

Дом актера. - 1996. - № 1-2. - С. 2-4

Нигде, кроме своего театра

Константин Райкин:

Это интервью редакция брала у известного актера, режиссера, художественного руководителя театра «Сатирикон» Константина Райкина летом. Июльская жара не оказалась препятствием для работы. В театре полным ходом шли репетиции спектакля «Ромео и Джульетта» — премьеры этого сезона.

Корреспондент. Константин Аркадьевич, многим ли приходится жертвовать во имя своего театра?

К.Райкин. Если бы меня пригласил сегодня какой-нибудь всемирно известный западный режиссер, к примеру, Брук, Стрелер или Гротовский, сыграть главную роль и если бы это не работало на мельницу моего театра, то я бы отказался. Я нигде не буду работать кроме своего театра. Моя деятельность должна быть напрямую связана с «Сатириконом». Мне приходится отказываться от многого. Сейчас не принял приглашения на три заграничные поездки, потому что с нашими очередными спектаклями приятная, но десятилетиями связанная с театром.

Не могу уделять ей семье, моей дочке. Иначе я стаюсь. Буду думать, мне нужно было. Порой это бывает. Иногда забывает. Уделял немного вре-

мя любил. Сильно страдаю по этому поводу, но другого выхода у меня нет.

Корр. Как Вы в детстве ощущали отца?

К.Р. Сколько себя помню, папа был всегда знаменитым артистом, причем самым знаменитым. Я помню это ощущение, когда гулял с отцом и все останавливалось посмотреть на великого артиста. Вся улица замирала, все прекращалось. Раньше знаменитые актеры были особые люди, на которых все начинали глазеть.

Сейчас актер кажется не столь уникальным.

Корр. Тем не менее, несмотря на свою популярность, Аркадий Райкин тогда в Ленинграде жил в коммунальной квартире.

К.Р. Да, там жило девять семей. При мне он там жил шесть лет. В этой коммунальной квартире произошло одно замечательное событие. Однажды ночью туда пришли воры кого-то грабить. Отец случайно вышел из комнаты, и ... воры узнали Райкина? Райкин? Они и почти-

Корр. Бывало, Сталин на концертах Аркадия Райкина?

К.Р. Да. Для ступления отец скорее это был тира. Хотя в те времена такие вещи, меня — загадка, решалось. У нас

записочки от Сталина: «Сегодня быть не могу — очень занят». Последние слова подчеркнуты красным карандашом. Свое приглашение отец отдавал коменданту. Отец получал эти записки через два часа, после того как они были написаны.

Корр. Несмотря на свою популярность Аркадий Райкин с семьей жил в коммунальной квартире? Он не мог попросить высокое начальство дать ему квартиру?

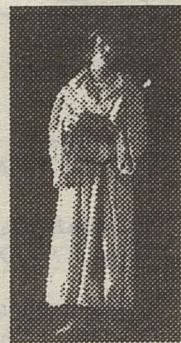
К.Р. Тогда это было не принято.

Корр. В одном из интервью Вы сказали, что Ваша семья была советской семьей. Отец вполне серьезно говорил Вам: если ты хочешь помочь стране, то ты должен хорошо учиться. Это так?

К.Р. Да, и я помогал. Я был идеологически очень закручен. И благодарен за это моим родителям, потому что я духовно существовал в то время. Мне рассказывали о жестоком Сталине — такой отредактированный детский вариант, но никаких колебаний в праведности, в вере не было и не могло быть.

Корр. Правда ли, что Вы не хотели ехать в спальном вагоне и говорили: «Я простой советский мальчик»?

К.Р. Да, и одеваться не хотел хорошо, было стыдно перед своими сверстниками быть богатым. Мои детские друзья во дворе и в школе — это простые ребята. Я учился в обыкновенной школе — дружина имени Гагарина. Школа без всяких уклонов, с драками на переменах, с любопытной публикой. Простецкая отечественная школа. Потом перешел в ленинградскую школу-интернат для особо одаренных детей — победителей всевозможных олимпиад. В моем случае — биологической и математической. Занимался спортом, легкой атлетикой — хорошо бегал на короткие дистанции, прыгал в длину. Не хотел быть физкультурником, а занимался спортом, потому что хотел

ли его. «Райкин! Райкин!!!», — изумительно удалились. ли правительственных концертах Аркадия

Сталина свои вы- «корректировал»: юмор, нежели сама он разыгрывал как «Зависть», для как тогда это раз- дома сохранились

записочки от Сталина: «Сегодня быть не могу — очень занят». Последние слова подчеркнуты красным карандашом. Свое приглашение отец отдавал коменданту. Отец получал эти записки через два часа, после того как они были написаны.

Корр. Несмотря на свою популярность Аркадий Райкин с семьей жил в коммунальной квартире? Он не мог попросить высокое начальство дать ему квартиру?

К.Р. Тогда это было не принято.

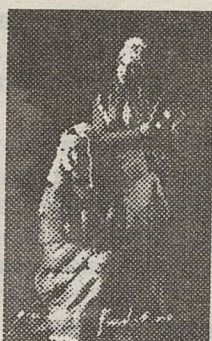
Корр. В одном из интервью Вы сказали, что Ваша семья была советской семьей. Отец вполне серьезно говорил Вам: если ты хочешь помочь стране, то ты должен хорошо учиться. Это так?

К.Р. Да, и я помогал. Я был идеологически очень закручен. И благодарен за это моим родителям, потому что я духовно существовал в то время. Мне рассказывали о жестоком Сталине — такой отредактированный детский вариант, но никаких колебаний в праведности, в вере не было и не могло быть.

Корр. Правда ли, что Вы не хотели ехать в спальном вагоне и говорили: «Я простой советский мальчик»?

К.Р. Да, и одеваться не хотел хорошо, было стыдно перед своими сверстниками быть богатым. Мои детские друзья во дворе и в школе — это простые ребята. Я учился в обыкновенной школе — дружина имени Гагарина. Школа без всяких уклонов, с драками на переменах, с любопытной публикой. Простецкая отечественная школа. Потом перешел в ленинградскую школу-интернат для особо одаренных детей — победителей всевозможных олимпиад. В моем случае — биологической и математической. Занимался спортом, легкой атлетикой — хорошо бегал на короткие дистанции, прыгал в длину. Не хотел быть физкультурником, а занимался спортом, потому что хотел

87 86

стать лучшим, хотел всех побеждать. Я тренировался очень много в течение пяти лет, но пришел молодой длинноногий мальчишка, очень вяло полгода занимался — и прыгнул дальше меня. Чрезвычайно неприятно — я понял, не буду первым. И бросил спорт, решил его, таким образом, наказать.

Корр. А как Вы все-таки сделали свой актерский выбор?

К.Р. Просто почувствовал. Я зани-

мался биологией, копिताющих, дей- знал для своего почувствовал, что как ученый, а как тарий. Змеи ин- препарированные, ные, а в развитии, ществования, в без- природы. Как толь- ими восторгаться, скучно.

изучал змей, мле- ствительно, много возраста, и вдруг увлекаюсь этим не художник, гумани- ресовали меня не не зафиксирован- в поэзии своего су- мерной симфонии ко я переставал мне становилось

Как-то отец попросил меня выступить в ка- кой-то пантомиме, видимо, у него не было под- ходящего материала для детской аудитории. Я выступил и имел успех местного значения. К чему-то меня это подтолкнуло. Судьба дает ка- кие-то намеки. Интуитивно выбор наметился, хотя родители в этом не участвовали никак — это было очень важно. Я беспокоюсь, взнервлен- но относился и отношусь к родственным свя- зям. Я очень самолюбив, во мне живет глубин- ное ощущение самооценности. Всегда боялся, что мне кто-нибудь скажет, что я такой, пото- му что папа такой.

Корр. Константин Аркадьевич, Вы говорите, что Вы, с одной стороны, оптимист, с другой, трудно вы- страиваете здание уверенности в себе.

К.Р. Одно к другому не имеет никакого отношения. Эти состояния существуют слоями. На подсознатель- ном уровне я как-то верю в себя, потом не верю, такое странное противоборство веры и неверия, постоянно меняющийся баланс, дающий динамику бытия. Я счи- таю, человек искусства в этом смысле должен суще- ствовать зыбко. Стабильность уверенности — смерть, а преобладание неверия — закомплексованность. Во мне происходит борьба, как мне кажется, в правиль- ных пропорциях. Никогда в себя абсолютно не пове- рю, никогда не стану лидером, всегда останусь ведо- мым. Обязательно должен быть кто-то, кем ты восхи- щаешься, перед кем теряешься.

Корр. А кем Вы восхищались, восхищаетесь?

К.Р. Если говорить об актерах — наша страна в этом смысле всегда была актерской империей. Я все- гда буду восхищаться Фаиной Раневской. Я горд тем, что могу рассказать своим детям, что видел Алису Фрейндлих. Они приводят меня в восторг. Счастье судьбы, что можешь или мог видеть таких людей как Инна Чурикова, Марина Неелова, Иннокентий Смок- туновский. Это уникальные творения природы, огром-

ные таланты, помноженные на гигантские личные усилия, работу над собой, терпение.

Корр. В газете «ДА» наш автор написал статью о Вас (№5/95 Анатолий Королев. «Ожого маски»), в ко- торой назвал Вас гениальным актером. Что Вы ис- пытываете от таких оценок?

К.Р. Не буду врать — мне приятно, когда ме- ня, таким образом, обсуждают. Я помню эту ста- тью, в которой человек размышлял, гениален я или нет. Приятно, когда завывают в таких рамках. Один человек сказал мне то же самое, когда я был совсем маленьким. Это — Корней Иванович Чуковский. Когда мне бывает плохо, я читаю дневники этого замечательного чело- века.

Корр. Корней Иванович написал: «Сегодня у меня в гостях был гений. Это Костя Райкин». Как состоялось Ваше знакомство с ним?

К.Р. Я познако- мился с Корнеем Ивановичем, ко- пать. Он устраи- тей в «Переделки- зывались «Здрав- «Прощай, лето!». читал стихи, что- кие-то глупости. произошла в во- учился в теат- те. Пришел к Чу- казывать панто- За день до встречи

мился с Корнеем гда мне было лет вал костры для де- но», которые на- ствуй, лето!» и Я там выступал — то показывал, ка- Главная встреча семнадцать лет. Я ральном институ- ковскому, стал по- мими с музыкой. я сломал ногу и по

телефону предупредил Корнея Ивано- вича, что не могу приехать. Чуковский сказал, что я по выздоровлении должен непременно явиться к нему, потому что обещал. Он сказал, все старики облада- ют одной чрезвычайно неприятной осо- бенностью — они умирают, и вы остае- тесь на всю жизнь с невыполненными обещаниями. Сказал так и через неде- лю умер... Представляете!

Корр. Как складываются Ваши от- ношения с критикой? В одной из пере-

дач (РТР, «Занавес», автор Григорий Заславский) Вы сказали, что критику никто не слушает. Это многих задело в критическом цехе.

К.Р. Мне вообще хочется их как можно чаще задевать. Мстительно хочется доставить им хоть часть той боли, которую они приносят мне и моим товарищам. Конечно, сказать: мне безразлично, что обо мне пишут, — значит соврать. Любое слово, которое о тебе сказано, воспринимаешь всерьез. От критики очень много зависит. Эта профессия какого-то врачевания, поэтому нельзя вырезать узоры на живом теле, выпендриваясь перед своими коллегами. Это безнравственно. Слово очень ранит, и вылететь трудно. Есть очень умные критики, но большинство из них больше знают, чем чувствуют, и это ужасно.

Корр. Константин Аркадьевич, вернемся к началу нашего разговора о театре «Сатириконе». Что для Вас оказывается самым сложным как для руководителя?

К.Р. Мне бывает мучительно, когда я не могу в актеров влезть, заставить их понять, научить, внедрить. Заниматься театром, вообще, жутко трудно, как и любимым делом, которым начинаешь заниматься всерьез. А я этим занимаюсь всерьез — это часть меня, предмет моего самолюбия. Моя человеческая цель — успех этого театра. Успех связан и с количеством публики, с количеством аплодисментов. В театр, который претендует на успех, должна ломиться публика, орать от восторга. Здесь не надо чистоплюйствовать, лукавить. Вся публика должна умирать от радости — это цель любого театра.

Я стремлюсь пригласить в театр самых интересных режиссеров. Здесь был успех у Романа Виктюка со «Служанками», у Петра Фоменко с «Великолепным рогоносцем». Недавно я посмотрел спектакль Володи Машкова «Смертельный номер». Можно по-разному относиться к этой работе, но это талантливо, мощно, напористо. Мы сейчас ведем с ним переговоры. Валерий Фокин, с которым меня очень многое связывает, пришел к нам в театр. Мне дорого, что он поставил «Превращение» Кафки в нашем театре.

Корр. Как идет работа над спектаклем «Ромео и Джульетта», который Вы режиссируете?

К.Р. Иногда весь этот спектакль мне кажется ба-

нальным. Когда то, что ты делаешь, в процессе работы становится очевидным для тебя, то кажется, это становится очевидным, банальным для всех. Такая очевидность меня убивает.

Мне кажется, стержень пьесы проходит через Джульетту. Это так и для Шекспира. Все-таки драматург уделяет больше внимания семье Капулетти, а не Монтекки. Джульетта чудесна, фантастична. Когда она взрослеет, мудреет и набирается необыкновенной силы, божественной мощи.

Корр. В чем тогда трагедия?

К.Р. В любви. Любить — это трагический дар. В любви масса счастья, но это и гибельные выси. Любовь такого масштаба не есть чувство детородное, такая любовь дается не для рождения детей.

Такая любовь — продвижение к истине: в этом чувстве можно сгореть или же оно само потухнет, превратившись в другую семейную любовь, в другое чувство. Через свою любовь Ромео и Джульетта прикасаются к Богу. Вспышка любви меняет людей, вот что происходит в этой пьесе.

Корр. Джульетту играет Наталья Вдовина. Она — Ваша партнерша в спектакле «Великолепный рогоносец». Что Вы цените в восходящей звезде Вашего театра?

К.Р. Она — существо ботичеллиевское, но со стальным характером. Такую внешность уже редко можно встретить. В ней есть изначальная духовность, и при этом она — совершенно земное существо. Сочетание духовного и, дозволено мне будет выразиться, пикантного. У нее — театральный характер, непотопляемый. Она не стесняется на сцене, нет долгих раскачиваний, нет раздумий над собой. Наташа еще не все умеет, но не расстраивается, не опускает руки, не увлекает в свои расстройства остальных. Есть стальная воля, настроенность на работу, и нет тщеславия.

Корр. Константин Аркадьевич, а критики заметили сразу это дарование. Наталья Вдовина получила премию «Хрустальная Турандот», вышло довольно много рецензий, в которых отмечалась именно ее работа, так что мы оказываемся не так уж бесполезны.

К.Р. Я согласен, в критическом цехе есть талантливые люди, но иногда нам трудно друг друга понять.

Беседа велла Ольга Талахова.

